

В.Н. Кудряшев

ВОСТОЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПУБЛИЦИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматривается отражение в русской политической публицистике восточной экспансии Российской империи. Отмечается универсальная и, в целом, позитивная оценка итогов и перспектив продвижения России в Азию представителями различных направлений русской общественной мысли. Россия представлялась в большинстве работ второй половины XIX в. носителем прогресса, европейской государственности и культуры, к которым приобщались в ходе колонизации остальные азиатские народы. Автор подчеркивает осознание русскими публицистами отличий русской колонизации от европейской в силу отсутствия пространственного разделения колоний и метрополий. Поэтому колонизация виделась ими как включение новых территорий в состав русского государства и постепенную ассимиляцию «инородцев».

Ключевые слова: колонизация; территориальная экспансия; Европа; Азия; Кавказ.

Во второй половине XIX в. при сохранении стратегических интересов России на Балканах и в Восточной Европе наиболее успешно территориальная экспансия осуществлялась в восточном направлении. Включение в состав империи огромных территорий в Средней Азии, продвижение в Закавказье не могли не повлиять на осмысление национальных проблем представителями различных течений русской общественной мысли.

В славянофильском направлении господствовало представление о территориальном расширении России не только как государственной экспансии, но и как расселении русского народа в «естественных географических границах». Из контекста работ славянофилов следовал вывод, что успех русской колонизации и заселения все более значительных территорий – результат совпадения интересов народа и государства и их совместной деятельности [1. С. 788; 2. С. 22; 3. С. 281]. При этом границы экспансии И.С. Аксаков пытался обусловить естественными природными барьерами. Но логика действия данного фактора в его интерпретации очень любопытна. Например, Волга стала в XVI–XVII вв. восточным рубежом расселения русских, но, по мысли публициста, для вящей безопасности следовало контролировать оба берега. То же касалось и Кавказа: следовало установить контроль над всем горным массивом. В результате сам И.С. Аксаков подводит к выводу, но не озвучивает его, что границы русской экспансии ограничены способностью соседних народов противостоять ей [1. С. 788–789].

Н.Я. Данилевский стремился опровергнуть мнение европейцев об исключительно завоевательном характере формирования Российского государства. В его изложении Россия также расширялась в результате естественного и мирного расселения русского народа. Н.Я. Данилевский утверждал, что Россия не завоевала ни одного народа, достигшего стадии государственной организации, т.е. не совершила ни одного «политического убийства». Большинство присоединенных народов (сибирские, финно-угорские народы) находились на племенной стадии, не осознавали себя как нацио-

нальности, и по отношению к ним термин «завоевание» не подходил, ибо нельзя лишить того, чем они не обладали [2. С. 22–23]. Многие народы, находившиеся на достаточно высокой стадии развития, были уже завоеваны, и переход их под власть России (Грузия, Армения) был результатом, в том числе, взывания элит к покровительству христианской страны с целью избавления от мусульманского гнета. Даже для мусульманских народов Кавказа включение в состав России было возможностью приобщения к более развитой государственно-правовой системе [Там же. С. 37–38]. У всех народов Кавказа, как и туземных народов Прибалтики, не было шансов на самостоятельное государственное развитие. Здесь господствовали чужеземные элиты.

Таким образом, Н.Я. Данилевский использовал прием подмены понятий. Отрицание факта завоевания он доказывал отсутствием у народа государственной организации. Но это не могло отрицать насильственного характера присоединения народа как этнического сообщества. Например, в случае с горскими народами Кавказа ученый не мог игнорировать длительного и упорного сопротивления, оказанного ими Российской экспансии. Однако, в его представлении, агломерат не оформившихся как народы племен, зараженных радикальной формой ислама, не мог вести национально-освободительной борьбы, а сам был источником немотивированной агрессии. То есть и в данном случае причиной военных действий была защита Россией своих владений [Там же. С. 38].

Русская колонизация противопоставлялась западно-европейской по характеру и методам. Такое постепенное расселение определяло характер колонизации как расширение территории во все стороны от исторического центра с включением новых территорий, непосредственно граничивших со старыми. Не происходило нарушения единства территории и населения, свойственного классической европейской колонизации, когда колонии значительно удалены от метрополии и разделены значительными водными массивами [Там же. С. 531–533].

Схожего мнения придерживался Р.А. Фадеев, указывая, что особенности геополитического положения России предопределили вариант колонизации новых земель не морским путем, как у большинства европейских стран, а сухопутным, через постепенное освоение азиатских просторов. Колонизация носила характер завоевания, но одновременно была мирной. Данный процесс, по мнению генерала, определил историческую судьбу русского народа и будет определять ее в будущем. Он безальтернативен, так как «растущее тело» русского народа требовало новых пространств. Но в силу особенностей своей колонизации Россия не знала проблем, подобно немецким, когда растущее народонаселение вынуждено мигрировать в заморские колонии, создавая проблему взаимоотношения колоний и метрополий. Вновь колонизируемые русскими земли присоединялись к «старым» и составляли единое пространство [3. С. 281].

Восточное направление русской колонизации, по мнению славянофилов, было определено геополитическим расположением России. И.С. Аксаков писал об устойчивости западных границ России. Водоразделом здесь служил религиозный фактор. Европа исторически сложилась как преимущественно католический мир со своей духовной, общественной и государственной организацией. Движение России в западном направлении в силу этого было бесперспективно. Поэтому он считал главной задачей добиться от Европы признания за Россией статуса равнозначного субъекта международной жизни и сферы ее влияния [4. С. 803].

Движение России в восточном направлении не имело подобных препятствий, поэтому было весьма успешным. Колонизацию Сибири и Средней Азии И.С. Аксаков полностью одобрял, подчеркивая что движение в этом направлении «законно, естественно и неизбежно», восторженно оценивал ее эффективность с точки зрения соотношения затрат, обширности и богатства приобретенных территорий. При этом экспансия и в восточном, и в юго-восточном направлениях преподносилась им не как военный захват других государств, а как мирная колонизация. Также естественным видел публицист продолжение движения России в Закавказье с последующим захватом Малой Азии и установлением контроля над проливами [Там же. С. 790–791].

Р.А. Фадеев также считал восточное направление русской колонизации естественноисторическим процессом: «Вся русская история есть преимущественно один бесконечный азиатский вопрос с того давнего времени, когда первые славянские общины стали подаваться на восток, оттесняя или перерабатывая в своих недрах азиатские племена» [3. С. 281]. Выполняя свою историческую миссию, русские отодвинули границы Европы от Вислы и Дуная до Аракса, Сырдарьи и Амура.

Будучи по расположению территории государства частью Азии, а по характеру общественной и государственной организации европейской страной, Россия выполняла по отношению к азиатским народам цивили-

заторскую миссию. Но если для остальных европейских стран Азия была далеким, отделенным морями колониальным владением, то для России это были соседние земли, естественно прилегавшие к ее владениям. Поэтому ситуация в азиатских странах непосредственно влияла на Россию: «Азиатские дела для нас – не роскошь, не прихоть, происходящая от избытка сил, не удовлетворение той или другой исключительной цели, как торговля, политическое влияние и пр.; для нас они – дела русские, обойти которые нам нет никакой возможности. У России, как у Януса, два лица: одно обращено к Европе, другое – к Азии. Мы не создавали себе такого положения, мы родились государством, сросшимся одинаково с Европой и с Азией» [Там же. С. 281]. Для страны, имевшей 13-тысячеверстовую границу с Азией, данное направление являлось жизненно важным [3. С. 140].

Р.А. Фадеев повторял логику, использованную многими русскими публицистами для оправдания русской экспансии: «Сожительство с племенами, не сложившимися в твердо очерченные народности и не признающими иного права, кроме права силы, вынуждает для собственной безопасности подчинять своему влиянию ближайших соседей, а затем снова выдвигаться вперед для ограждения этих последних» [5. С. 474]. Получалось, что Россия, заботясь о безопасности своих подданных, вовлекала себя в бесконечную войну, которая могла закончиться только установлением полного контроля над Азией. В данном случае менялось представление не только о первопричине экспансии, но и о главной движущей силе. Ею становился не народ, а государство.

По мнению Р.А. Фадеева, Россия после завоевания Кавказа вышла на новые исторические рубежи экспансии, подобно тому, как после завоевания Казани и Астрахани открылся путь в Сибирь [3. С. 280]. Оговорив свое согласие с неисторичностью азиатских народов, бездеятельных и не имевших своих целей, публицист не видел в них субъекта исторического творчества, а только объект деятельности европейской и русской, в том числе политики: «Что касается до меня лично, я твердо убежден, по очевидной наглядности, что в нынешних мусульманских народах Азии нет больше никакого живого источника общественной силы, что они живут буквально как механическое собрание единиц, ничем между собой не связанных» [Там же. С. 282].

Поэтому дальнейшее движение России в Азию определялось способностями, энергией русского народа, адекватностью национальным интересам внешней политики государства и ограничивалось только конкуренцией других европейских стран. Каких-либо иных преград Р.А. Фадеев не видел: «С того времени, как Русская империя переступила свои естественные пределы со стороны Азии, она уже не может ограничить свое действие заранее очерченным кругом. Будущее теперь принадлежит судьбе. Стоя посреди разлагающегося азиатского мира, в каждой области которого могут

ежедневно произойти самые неожиданные события, надобно быть ко всему готовым. Наше владычество в Азии подвержено той же судьбе, как и всякое европейское владычество; мы не можем определить заранее границу, на которой оно остановится окончательно» [Там же. С. 298]. Мысленно публицист очертил сферу исключительных интересов России «в пределах древнего царства Чингисхана» и определил целью ее внешней политики исключить здесь какое-либо европейское влияние.

В.И. Ламанский попытался представить картину этнополитических процессов в рамках всей Евразии. Здесь он выделял три «историко-культурных характера»: западный германо-романский католическо-протестантской Европы, Азия и Средний мир – «ненастоящая Европа и ненастоящая Азия» [6. С. 3]. В Средний мир Ламанский включал территорию Российской империи, расположившуюся и в Азии, и в Европе. Он определял его как самостоятельный, отличный от других миров. Русский народ, распространяясь в пределах Евразии, не только сохранил свою самобытность, но и смог влиять на присоединенные территории и проживавшие там народы, включая их в зону своего ассимиляционного воздействия, расширяя собственно Русский мир [Там же. С. 17–19]. В рамках данного построения Ламанский попытался разрешить становившееся все более очевидным противоречие между провозглашавшейся славянофилами целью – созданием славянской общности и геополитическими реалиями – углубление российской экспансии в Азию.

Азиатский мир не смог выработать консолидирующие начала в силу разнородности этнической, религиозной. Последний фактор в отдельные периоды истории мог создавать крупные политико-религиозные образования азиатских народов, но такая консолидация была кратковременной по историческим меркам. Поэтому застывший в развитии мир Азии стал объектом агрессии Европы [Там же. С. 9, 11]. Будущее его В.И. Ламанский видел как продолжение утраты политической самостоятельности и окончательное подчинение Европе. При этом ведущая роль в экспансии отводилась России и Англии, противоборство которых в Азии было неизбежно [Там же. С. 15]. Ламанский не порицал колониальных захватов, воспринимая их как историческую реальность, где действует право сильного. Также он не пытался противопоставить характер российской экспансии европейской или оправдать ее. В любом случае продвижение России в Азию должно было продолжиться, но данный фактор не предполагал корректировки планов создания славянского объединения.

Однако территориальные владения России в Азии были уже столь значительны, а ее этнический состав столь разнородным, что вставал закономерный вопрос – насколько можно было продолжать позиционировать ее как центр славянского мира.

В.И. Ламанский считал неизменным и в новых условиях полное доминирование в России славянского

православного элемента. Он доказывал изменение характера присоединенных к России азиатских территорий и ограничивал этим фактом их судьбу от остальной Азии, включая их в Средний мир. Обширные земли были слабо заселены, а проживавшие там народы слабо развиты. Поэтому ученый предполагал, что под цивилизующим воздействием они будут ассимилироваться, постепенно сливаясь с преобладающим русским большинством, так же, как это происходило с другими народами, включаемыми в состав России. Неславянские народы России, в его представлении, были разобщены этнически, культурно и даже расово. Поэтому, несмотря на рост их численности, они неспособны к консолидированному противостоянию с «господствующим в Европейской и Азиатской России восточному христианству и народности славянской» [Там же. С. 16].

И.С. Аксаков пытался рассеять тревогу русской общности о возможности растворения России в Азии и ослаблении влияния русского народа в связи со все увеличивавшейся численностью азиатского населения России. Обращаясь к истории, И.С. Аксаков напомнил, что сам русский народ сложился из множества племен и потом в процессе формирования русского государства постепенно включал в свой состав инородные элементы, успешно ассимилируя их. В результате европейская часть России представляла собой достаточно однородное религиозно-этническое пространство [4. С. 798–799]. Проблему И.С. Аксаков видел в неверной политике государства, со времен Екатерины II изменившей национальному принципу Российской государственности и создавшей законодательные барьеры перехода в православие представителей других конфессий. Тем самым были существенно ограничены ассимиляционные возможности естественного народного обрусения колонизируемых территорий [Там же. С. 811–812].

Расширение территории России, по Н.Я. Данилевскому, происходило как расселение русского народа с включением в свой состав «инородческих племен». При этом Н.Я. Данилевский подчеркивал чрезвычайную толерантность русских к чужим обычаям, общественному устройству. Поэтому наряду с мягкой, естественной ассимиляцией инородцев происходило восприятие русскими элементов их культуры. Это, по мнению Н.Я. Данилевского, вместе с абсолютным преобладанием численности русского населения и в уровне его культуры обеспечивало этно-территориальную монолитность русского государства [2. С. 531–533].

М.Н. Катков с радостью воспринял заявление наместника Кавказа о «замирении Кавказа» и окончании Кавказской войны. Комментарии публициста по поводу происшедшего производят двойственное впечатление. С одной стороны, он воспринял присоединение Кавказа как завоевание новых территорий, богатых природными ресурсами и дающих России выгодное геополитическое положение. М.Н. Катков не скрывал

удовлетворения от выигрыша России в глобальном противостоянии с Англией, тем самым подтверждая колониальный характер экспансии России на Кавказе. В то же время публицист преподносил завоевательную политику России как историческую миссию по возвращению Кавказа в лоно христианского мира. Грузия была одним из древнейших очагов христианства, но окруженная исламскими странами, утратила независимость и стояла на грани гибели. Россия откликнулась на призывы грузинских царей и взяла Грузию под свое покровительство [7].

Тональность рассуждений М.Н. Каткова о судьбе Кавказа в составе России существенно отличалась от его статей, посвященных Польше или Прибалтике. Кавказ для него – территория, земли, которые подлежат колонизации. Фактор местного населения не учитывался. Горцы покорены, грузины – христианский народ, испытывающий благодарность спасителям от турецко-персидского геноцида. Поэтому главная задача – освоение богатств Кавказа, для чего необходимо переселение русских. Публицист приветствовал заинтересованность, проявленную русскими землевладельцами, поскольку дворянские владения станут опорой русской власти [8].

Однако в последующих статьях настроение М.Н. Каткова довольно резко меняется. Публицист с тревогой отмечал появление сепаратистских настроений среди народов Закавказья. Главной причиной этих негативных тенденций он называл утрату русскими статуса первенствующей и главенствующей нации в глазах туземного населения. Еще недавно русские воспринимались как освободители, как олицетворение власти, принесшей на Кавказ стабильность, законность и создавшей условия для процветания края. Именно русские занимали все административные должности, что, по словам М.Н. Каткова, воспринималось как должное. Но затем правительство заняло неверную позицию поощрения местных элит, передав им власть в национальных регионах. Многие представители русской политической элиты, увлекшись либеральными идеями, начали демонстрировать национальную и религиозную толерантность, забывая о национальных интересах русского народа. Это негативно отразилось на авторитете власти и пошатнуло положение русского населения [9].

Таким образом, М.Н. Катков обвинил правительство в фактическом отказе от опоры на русскую национальность, что абсолютно коррелирует с позицией славянофилов. Сложившейся ситуацией не преминули воспользоваться внешние и внутренние враги России. В формировании среди армянской и грузинской молодежи подпольных кружков, ставивших целью добиваться выхода из состава России, публицист видел «польский след». Поляки – извечные русофобы – активно вмешались в события на Кавказе, провозгласив себя союзниками борцов за независимость Грузии и Армении [Там же].

Подчеркивая важность Кавказа для России, М.Н. Катков отмечал необходимость использования вновь приобретенных территорий во благо народа России, отдавшего много сил для развития государства. Поэтому колонизация Кавказа должна носить русский характер. Столь важный регион должен заселяться по преимуществу русскими людьми [10].

Публицист, анализируя официальные документы, регламентировавшие переселенческую политику на Кавказе, с удивлением обнаруживал, что русские крестьяне имели едва ли не меньше прав участвовать в колонизации, чем иностранцы. В результате он предвидит, что в благодатный кавказский край хлынут немцы и армяне Анатолии, а русские продолжат осваивать Сибирь. Он настаивал на необходимости разработки программы, позволявшей всем русским губерниям включиться в колонизацию [11].

Главным уроком Кавказской войны М.Н. Катков считал недооценку ислама как консолидирующего фактора в борьбе горцев против России. Катков по существу признавал, что русским войскам противостояло национально-религиозное движение, против которого у России не нашлось эффективных методов противодействия. Неоднократно повторялась ситуация, когда после решительных военных побед русской армии, спустя небольшое время, казалось бы, усмиренные горцы вновь поднимались на борьбу. Публицист выражал сомнение в том, что эти уроки были усвоены и русская администрация на Кавказе смогла выработать адекватную политику, учитывавшую исламский фактор и глубокие различия в менталитете, психологии между русскими и горским населением. Попытки воздействовать на горскую молодежь посредством образования пока не привели к позитивному результату, поскольку даже выпускники военных училищ не становились верноподданными русского царя и не выходили из-под влияния исламских традиций [12].

В этом аспекте его мнение совпадало с выводами Р.А. Фадеева, которого полученный во время военных действий на Северном Кавказе опыт убедил в необходимости выстраивания дифференцированной политики по отношению к местному населению с учетом его религиозной, этнокультурной специфики. Игнорирование или непонимание данного принципа было одной из причин неспособности огромной Российской армии на Кавказе усмирить горские народы. Р.А. Фадеев показывал, как, не увидев в мюридизме главного фактора сопротивления своему господству, русская администрация ошибочными действиями фактически обеспечила стремительное его распространение среди горских народов [13. С. 67–68]. Только адекватная оценка всех условий, подвигавших местное население на борьбу с Россией, позволила выработать верную тактику усмирения Кавказа. Р.А. Фадеев не видел в этой борьбе национально-освободительного движения и не считал действия русской армии захватническими [Там же. С. 130–131]. Упрекая европейцев в двойных стандартах

при оценке национально-освободительных движений, Р.А. Фадеев сам шел по тому же пути.

Мысль о том, что горские народы Кавказа, несмотря на военное поражение, не покорены и в любой момент могут восстать, постоянно появлялась в статьях М.Н. Каткова [14]. По прошествии двух десятилетий после «замирения Кавказа» все ставившиеся тогда задачи остались актуальными. М.Н. Катков вновь возвращался к мысли о невозможности действительного превращения Кавказа в российский край без именно русской колонизации. Призывы заселять Кавказ армянами и греками, как более адаптированными к южной земледельческой культуре, полагал неверной с точки зрения стратегической. Лояльность местного населения к Российскому государству оставалась слабой, поэтому в условиях сохранявшейся напряженности в отношениях с Турцией оптимальным вариантом было бы расселение, особенно в приграничных районах, казаков. Качество показало свои способности адаптации к любым природным условиям и противостоянию враждебному окружению. Так же и с точки зрения исторической справедливости и сохранения ведущей роли русской национальности следовало обеспечить преимущественные условия для русских переселенцев [15].

М.П. Мещерский, обратившись к ситуации на Кавказе, уже в 1890-е гг. акцентировал внимание на пагубные последствия его обрусения, которое привело к проявлению тех же негативных тенденций, что и в остальной России. Формирование на Кавказе собственной интеллигенции привело к усилению в ее среде разрыва с культурной и духовной традицией народа и осознанному отказу от своей национальной идентичности. Данная черта, свойственная русской интеллигенции, быстро распространилась и на формировавшуюся национальную интеллигенцию окраин России. В качестве примера публицист описывал, как нивелировалось многоплеменное многообразие Кавказа в среде интеллигенции, демонстративно порывавшей со своими народами. В этом кавказские «неофиты» даже опережали русских, но так же, как и последние, отрываясь от народных корней, проникались идеями материализма и нигилизма. В итоге интеллигенция наполнялась ненавистью к своему народу, всему национальному и, опираясь на темные силы, стремилась к уничтожению всего светлого и чистого в своем народе [16. С. 3].

Русские либералы рассматривали события, происходившие на восточных рубежах империи, как колонизацию народов, неспособных к самостоятельному развитию. Б.Н. Чичерин определял колонии как «отдельные территории», заселенные отсталыми племенами, «стоявшими на низшей степени культуры», «куда переселяются граждане для постоянного жительства». Либерал здесь абстрагировался от того, что многие колонии на момент завоевания обладали государственностью и уникальными культурами, относясь к ним только как к объектам экспансии европейских стран [17. С. 76–77]. Соответственно, и его рассуждения име-

ли целью выявить соотношение потерь и приобретений от обладания колониями для страны метрополии при полном умолчании судеб народов колоний.

К.Д. Кавелин призывал дифференцировать внутреннюю политику империи. Если в отношении «развитых народностей», т.е. финнов, поляков, он выступал за сохранение традиционной религии и культуры, использование местных политических институтов, то «отсталые территории» азиатской части К.Д. Кавелин рассматривал как колонии, где следовало сохранять имперское административное управление, создавать условия для массового переселения из развитых областей и «свободной деятельности выходцев из империи» [18. Стб. 978].

Многие завоевания, произведенные Российской империей, становились в интерпретации публицистов вынужденными, так как были вызваны не прагматичными целями эксплуатации завоеванных земель, а лишь стремлением защитить свою территорию от соседних диких народов, «привыкших к независимой и воинственной жизни». По мнению Б.Н. Чичерина, «обуздать дикарей» можно было, только покорив их. Таким образом были завоеваны Туркестан и Кавказ [17. С. 77]. Но ученый забыл напомнить, что данные территории стали пограничными с Россией в силу ее внешней экспансии. Не народы Кавказа и Туркестана продвигались к границам России, а границы империи придвинулись к ним.

Активная колонизация Закавказья, начавшаяся в 1880-е гг., пробудила интерес либеральных журналов к данному региону.

Н.В. Шелгунов не предлагал оценки характера процессов, приведших к созданию Российской империи, хотя замечал, что это была экспансия и новые территории присоединялись в результате завоевания. Но данный процесс являлся проявлением общемировой тенденции экспансии запада (европейских стран) против Востока, ставшей реализацией превосходства европейской модели государственной, общественной организации и экономического устройства. Не оправдывая европейской колониальной политики, публицист, тем не менее, отмечает, что она сопровождалась экспортом в восточные страны более развитой модели экономики, современной промышленности, более справедливой правовой системы, эффективного государственного аппарата [19. Стб. 169].

Именно таким образом им интерпретируется роль России на Кавказе. Кавказ был завоеван и силой присоединен к России. Но Кавказ дороссийской эпохи был типичным восточным регионом, и его население страдало от межэтнических войн, деспотизма местных царьков, неспособности властей обеспечить элементарный порядок и защитить от набегов и грабежей. Поэтому завоевание Кавказа публицист трактует как «замирение Кавказа». То есть Россия пусть на штыках, но принесла на Кавказ элементы западного общества, что является благом для его населения. Отсюда следует

и своеобразная трактовка длительной борьбы северокавказских народов против российской экспансии. Н.В. Шелгунов высоко оценивает их героизм, но не видит в них сознательных патриотов «с точным идеалом гражданской свободы» как в борцах за свободу североамериканских колоний. Борясь за свою независимость, они лишь отстаивали старый и отсталый уклад, тем самым противодействуя прогрессу [20. Стб. 997–998].

Констатируя цивилизаторскую миссию России на Кавказе, публицист не скрывал сложности и неоднозначности взаимодействия элементов западной и восточной культуры. Сама Россия, по его мнению, еще была молодой европейской цивилизацией, относительно недавно вставшей на путь модернизации. Ее общественный строй, культура еще находятся в развитии и далеки от идеала: «Если в азиатский Восток мы и вносим цивилизацию более высокую, чем магометанская, то, однако, цивилизацию не такой высокой пробы, чтобы эта русская цивилизация не нуждалась и сама во многих и многих улучшениях». Кроме того, для еще не устоявшейся российской культуры существовала опасность самой попасть под влияние Востока [19. Стб. 172–173].

В своих работах Н.В. Шелгунов поднимает проблему актуальности налаживания межкультурного диалога. Движение русских колонистов на Кавказ приводит к взаимному культурному обогащению народов. Неся с собой культуру европейскую, переселенцы впитывают богатейшую культуру и традиции местных народов. Проводя переселенческую политику и колонизируя Кавказ, российские власти должны учитывать его поликонфессиональное и полиэтничное разнообразие, бывшее причиной множества серьезных и длительных конфликтов, и, тем более, отличия в культуре и обычаях переселенцев и местных жителей [19. Стб. 173].

С.Н. Кривенко, сетуя на отсутствие информации о Кавказе, предлагал читателям нечто схожее с путеводителем по региону, включавшее наброски об экономическом развитии, природно-климатических условиях, этнографические картинки и т.д. Тональность и манера изложения создают ассоциацию с изложением дорожных впечатлений европейца о путешествии по одной из колоний. Автор не задавался вопросом о том, что привело Россию на Кавказ, он не оценивал обоснованность российских притязаний на данные территории, воспринимая сам факт нахождения Кавказа в составе России как состоявшееся и не оспариваемое событие. Для С.Н. Кривенко не вызывало сомнения в целом положительное влияние присоединения Кавказа к России [21. С. 131–135]. Установление твердой власти прекратило межэтнические войны, продолжавшиеся столетиями и уносившие тысячи жизней. В лучшую сторону изменилась жизнь крестьян, теперь защищенных российскими законами от произвола и всевластия князей. Стабильность и порядок способствовали разви-

тию экономики Кавказа – торговли, ремесел. Вместе с тем публицист не скрывал традиционных для российской государственной системы недостатков, проявившихся и в управлении Кавказом, – бюрократизм, волокита, коррупция. Но эти негативные моменты не могли перечеркнуть очевидных достижений в развитии Кавказа, ставших результатом установления более эффективной европейской модели общественного и социально-экономического устройства, привнесенных сюда Россией [Там же. С. 136–140].

Либеральные народники не считали российскую экспансию завершенной и строили новые ее перспективы. С.Н. Южаков предполагал, что слабость Турецкой империи в ближайшее время вызовет обострение борьбы за ее «наследство», в которой примет участие и Россия. Он определил наиболее вероятным направлением русской экспансии Закавказье, а именно Курдистан (Великую Армению) [22. С. 148–149]. Для Армении подобное развитие событий будет безусловным благом, так как Россия, являясь более развитой страной, чем Турция, сможет дать толчок прогрессивному развитию вновь приобретенных земель. Сомнений в способности России решить столь сложную задачу у публициста не было.

Народник не ставил под сомнение справедливость подобного силового вмешательства европейских стран в дела и судьбы народов Востока. Последние, по его мнению, утратили способность к развитию, застыли в своем деспотизме и религиозном догматизме, став в результате жертвой собственной отсталости. Европейские страны, наоборот, нашли варианты эффективного государственного и общественного строя, сделавшие их лидерами эпохи. Колониальные захваты, конечно, преследовали цель обогащения стран-метрополий, но объективно способствовали распространению достижений западной цивилизации на отсталые народы востока. Это касается минимальных гарантий прав личности, которых раньше не было вообще, развития просвещения, борьбы с преступностью, упорядочения системы налогообложения и т.д. Подобную цивилизаторскую функцию Англия выполняет в Индии, Франция – в Алжире, Россия – в Средней Азии [Там же. С. 151–153]. Здесь очевиден резкий контраст с позицией Н.К. Михайловского, подчеркивавшего чуждость интересов и целей имперской внешней политики и русского народа, несшего на себе бремя экспансии и войн [23. Стб. 449–450].

Единственное, что вызывало сомнение у С.Н. Южакова в целесообразности новой Российской экспансии, – необходимость отвлечения сил и средств от множества еще не решенных экономических и социальных проблем в самой России. Выдвигая подобные опасения, народник возражал против утверждения А.С. Суворина о перекосе во внутренней политике России в сторону чрезмерного внимания правительства к национальным окраинам и удовлетворения их непомерных требований в ущерб великорусским землям.

С.Н. Южаков не видел каких-либо преимуществ окраин перед «коренною Россией», наоборот, в великорусских губерниях было введено «сословное, земское и городское самоуправление, суд присяжных, некоторое число органов бесцензурной прессы», что, по мнению народника, характеризует их большой прогресс. Публицист был убежден в необходимости соблюдения баланса интересов национальных окраин и русских областей как залога стабильности Российского государства [22. С. 158].

Таким образом, в российской публицистике сложилась универсальная и, в целом, позитивная оценка

итогов и перспектив продвижения России в Азию. Россия представлялась носителем прогресса, европейской государственности и культуры. Реализуя свою историческую миссию, она несла азиатским народам, якобы неспособным к самостоятельной исторической жизни, возможность приобщиться к ней в рамках единого развитого государства. При этом было осознание отличий русской колонизации от европейской в силу отсутствия пространственной разделенности колоний и метрополии. Поэтому колонизация виделась как традиционное обрусение и новые территории должны были стать частью русского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Где границы естественному росту России? // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 781–797.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб. : Н. Страхов, 1889. 610 с.
3. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. Письмо двенадцатое // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 132–334.
4. Аксаков И.С. Всемирно-историческое призвание России // Собрание сочинений: в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 797–812.
5. Фадеев Р.А. Записка об управлении Азиатскими окраинами // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 473–510.
6. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб. : Тип. С.А. Суворина, 1916. 152 с.
7. Катков М.Н. Покорение Кавказа. Исторический обзор сношений России с Кавказом // Московские Ведомости. 1864. 27 мая.
8. Катков М.Н. Колонизация Кавказа: важность водворения русского дворянства на Кавказ // Московские Ведомости. 1864. 30 июня.
9. Катков М.Н. Сепаратизм на Кавказе и в Закавказье есть следствие слабости национального духа во внутренней политике России («Молодая Грузия» и «Молодая Армения») // Московские Ведомости. 1865. 4 сен.
10. Катков М.Н. Значение Кавказа для России и желательность заселения его переселенцами изнутри России // Московские Ведомости. 1867. 1 дек.
11. Богатства Кавказа и недоступность его русскому люду; колонисты немцы и армяне // Московские Ведомости. 1867. 23 дек.
12. Катков М.Н. Кавказские уроки. По поводу статьи Зиссермана «Материалы для истории Кавказской войны» // Московские Ведомости. 1872. 31 окт.
13. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет кавказской войны // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 33–131.
14. Катков М.Н. Убийство полковника Петухова в Дагестане. Московские Ведомости. 1872. 9 авг.
15. Катков М.Н. Статья И.А. Дукмасова: «Казак о Казаках». (О заселении Кавказского побережья) // Московские Ведомости. 1886. 4 ноя.
16. Мецкерский В.П. Дневник // Гражданин. 1893. 14 янв. С. 3.
17. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М. : Тип. Кушнерев и К, 1896. Ч. 2. 437 с.
18. Кавелин К.Д. Политические призраки // Собрание сочинений. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Стб. 927–994.
19. Шелгунов Н.В. Колонизация Кавказа // Очерки русской жизни. СПб. : Тип. Н.Н. Скороходова, 1895. С. 169–191.
20. Шелгунов Н.В. Кавказские Минеральные воды // Сочинения. СПб. : Тип. Н.Н. Скороходова, 1895. Т. 3. Стб. 994–1018.
21. Кривенко С.Н. Как живет Закавказье // Русское богатство. 1894. № 11. Отд. 2-е. С. 142–153.
22. Южаков С.Н. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 12. Отд. 2. С. 148–167.
23. Михайловский Н.К. Десница и шуйца Льва Толстого. Записки профана // Полное собрание сочинений. СПб. : Русское богатство, 1909. Т. 3. Стб. 424–471.

Kudriashev Viatcheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: kvn18011962@yandex.ru

EAST EXPANSION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN PUBLICIST SECOND HALF XIX CENTURY.

Keywords: colonization; territorial expansion; civilization; Europe; Asia; Caucasus.

In the second half of the XIX century, while maintaining the strategic interests of Russia in the Balkans and Eastern Europe, the most successful territorial expansion was carried out in an easterly direction. Incorporation into the empire of vast territories in Central Asia, progress in the Caucasus could not affect the interpretation of national issues by representatives of various currents of Russian social thought. In Slavophile direction, the conception of the territorial expansion of Russia not only as a state of expansion, but also as the resettlement of the Russian people in the "natural geographical boundaries." From the context of the work of the Slavophiles followed the conclusion that the success of Russian colonization and settlement all the more significant areas - the result of coincidence of the interests of the people and the state, and their joint activities. N.Y. Danilevsky sought to refute the opinion of Europeans about the only conquering nature of the formation of the Russian state. He argued that Russia has not won any of the people reached the stage of state organization; has not made any "political assassination". Russian colonization contrasted Western European character and methods. I.S. Aksakov was trying to dispel anxiety about the possibility of Russian public dissolution of Russia in Asia and the weakening of the influence of the Russian people in connection with the increasing number of Asian population of Russia. Turning to history, Slavophile recalled that the Russian nation itself was formed from a variety of tribes and later in the formation of the Russian state gradually includes a foreign elements, successfully assimilating them. Russian liberals saw the developments that have taken place on the eastern borders of the empire as a colonizing people, incapable of independent development. This process is a manifestation of the global trend of expansion of the West (European countries) against the East, which has become the realization of the superiority of the European model of the state, social organization and economic structure. Stating the civilizing mission of Russia in the east, liberal publicists did not hide the complexity and ambiguity of the interaction of elements of Western and Eastern culture. Thus, in Russian journalism has developed a universal and, in general, a positive assessment of the results and prospects of Russia's advance into Asia. Russia presented the bearer of progress, European statehood and culture. Realizing its historic mission, she carried the Asian nations, supposedly incapa-

ble of independent historical life, the opportunity to join it in a single developed country. It was the awareness of differences of Russian colonization of European, due to the lack of spatial separation of the colonies and the mother country. Therefore, colonization was seen as a traditional Russification and new territories were to become part of the Russian state.

REFERENCES

1. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy*: v 7 t. [Collection of works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886, vol. 2, pp. 781-797.
2. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations between the Slavic and the Germanic-Romance worlds]. St. Petersburg: N. Strakhov Publ., 1889. 610 p.
3. Fadeev R.A. *Gosudarstvennyy poryadok. Rossiya i Kavkaz* [The state order. Russia and the Caucasus]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 132-334.
4. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy*: v 7 t. [Collection of works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886, vol. 2, pp. 797-812.
5. Fadeev R.A. *Gosudarstvennyy poryadok. Rossiya i Kavkaz* [The state order. Russia and the Caucasus]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 473-510.
6. Lamanskiy V.I. *Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika* [The three worlds of Asian-European]. St. Petersburg: Tip. S.A. Suvorina Publ., 1916. 152 p.
7. Katkov M.N. Pokoreniye Kavkaza. Istoricheskiy obzor snosheniy Rossii s Kavkazom [The conquest of the Caucasus. A historical overview of relations between Russia and the Caucasus]. *Moskovskie Vedomosti*, 1864, 27th May.
8. Katkov M.N. Kolonizatsiya Kavkaza: vazhnost' vodvoreniya russkogo dvoryanstva na Kavkaz [The colonization of the Caucasus: the importance of placement of the Russian nobility in the Caucasus]. *Moskovskie Vedomosti*, 1864, 30th June.
9. Katkov M.N. Separatizm na Kavkaze i v Zakavkaz'e est' posledstvie slabosti natsional'nogo dukha vo vnutrenney politik Rossii ("Molodaya Gruzziya" i "Molodaya Armeniya") [Separatism in the Caucasus and Transcaucasia is a consequence of the weakness of the national spirit in the Russian internal politics ("Young Georgia" and "Young Armenia")]. *Moskovskie Vedomosti*, 1865, 4th September.
10. Katkov M.N. Znachenie Kavkaza dlya Rossii i zhelatel'nost' zaseleniya ego pereselentsami iznutri Rossii [The importance of the Caucasus to Russia and how desirable it is to get it settled by people from inside Russia]. *Moskovskie Vedomosti*, 1867, 1st December.
11. Bogatstva Kavkaza i nedostupnost' ego russkomu lyudu; kolonisty nemtsy i armyane [The Caucasian wealth and its inaccessibility for the Russian common people; Germans and Armenian colonies]. *Moskovskie Vedomosti*, 1867, 23rd December.
12. Katkov M.N. Kavkazskie uroki. Po povodu stat'i Zissermana "Materialy dlya istorii Kavkazskoy voyny" [The Caucasian lessons. On the article "Materials for the history of the Caucasian War" by Zisserman]. *Moskovskie Vedomosti*, 1872, 31st October.
13. *Gosudarstvennyy poryadok. Rossiya i Kavkaz* [The state order. Russia and the Caucasus]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 33-131.
14. Katkov M.N. Ubiystvo polkovnika Petukhova v Dagestane [The assassination of Colonel Petukhov in Dagestan]. *Moskovskie Vedomosti*, 1872, 9th August.
15. Katkov M.N. Stat'ya I.A. Dukmasova: "Kazak o Kazakakh". (O zaselenii Kavkazskogo poberezh'ya) [The article: "A Cossack about the Cossacks" by I.A. Dukmasov (About the settlement of the Caucasian coast)]. *Moskovskie Vedomosti*, 1886, 4th November.
16. Meshcherskiy V.P. Dnevnik [The Diary]. *Grazhdanin*, 1893, 14th January, p. 3.
17. Chicherin B.N. *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The State Science]. Moscow: Tip. Kushnerev i K Publ., 1896. Part 2, 437 p.
18. Kavelin K.D. *Sobranie sochineniy* [The Collection of Works]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1898, vol. 2, col. 927-994.
19. Shelgunov N.V. *Ocherki russkoy zhizni* [The sketches of Russian life]. St. Petersburg: Tip. N.N. Skorokhodova Publ., 1895, pp. 169-191.
20. Shelgunov N.V. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Tip. N.N. Skorokhodova Publ., 1895, vol. 3, col. 994-1018.
21. Krivenko S.N. Kak zhivet Zakavkaz'e [How South Caucasus lives]. *Russkoe bogatstvo*, 1894, no. 11, pp. 142-153.
22. Yuzhakov S.N. Khronika vnutrenney zhizni [The Chronicle of the Inner Life]. *Russkoe bogatstvo*, 1894, no. 12, pp. 148-167.
23. Mikhaylovskiy N.K. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works]. St. Petersburg: Russkoe bogatstvo Publ., 1909, vol. 3, col. 424-471.